

кладбища, но сразу стирают и на росу на ночь выкладывают, чтоб роса на них выпала, или обязательно в проточной воде полощут, а то покойники новые будут» [8].

Существуют и другие правила. Так, идя на кладбище, лучше всего никого не встречать, а если встретил — не здороваться: «Идешь на кладбище — не здоровайся со встречными, а то здоровье свое отдашь» [14]. Когда возвращаешься с кладбища — не надо оглядываться, «а то покойник за тобой уйдет, являться станет» [7]. Когда уходят с кладбища, кланяются могиле и говорят: «Прощайте!», в противном случае «сам покойником скоро будешь, если "до свидания" скажешь» [17]. Проходя мимо кладбища, надо трижды поклониться; если мимо кладбища проходит дорога из церкви, то возвращающиеся от венца молодые должны пройти, а не проехать мимо него. Такое же правило распространяется на людей, возвращающихся с крещения.

Особые правила распространялись и на родственников умершего. Так, никто из семьи покойного в день похорон не должен был первым переступить границу кладбища, «а то еще покойники будут» [1]. Если женщина беременна, то ей нельзя приходить на кладбище — «дите умрет»; а если умирал первый ребенок, то мать не должна была его хоронить, «чтобы еще раз родить, а то не разродится» [1].

Большинство из приведенных в статье запретов и поведенческих норм неукоснительно соблюдается и в настоящее время, и лишь немногие (прежде всего связанные с изготовлением гроба и отчасти с его обустройством, а также суеверные представления о кладбищенских воротах) зафиксированы от наиболее пожилых исполнителей.

Список информантов

1. Зинаида Андреевна Морозова, 1915 г.р., г. Гороховец. (ЦРФ-Р-Э-0003, 2001, лето).
2. Нина Сергеевна Рогожина, 1936 г.р., д. Чулково (ЦРФ-Р-Э-0003, 2001, зима).
3. Нина Павловна Николаева, 1929 г.р., д. Липовка (ЦРФ-Р-Э-0003, 2001, лето).
4. Валентина Федоровна Морозова, 1929 г.р., д. Гончары (ЦРФ-Р-Э-0003, 2001, лето).
5. Анна Ильинична Фомичева, 1921 г.р., д. Чудское (ЦРФ-Р-Э-0003, 2001, зима).
6. Ирина Андреевна Горшкова, 1929 г.р., г. Гороховец (ЦРФ-Р-Э-0003, 2002, весна).
7. Надежда Александровна Блюденева, 1914 г.р., д. Шубино (ЦРФ-Р-Э-0003, 2002, лето).
8. Екатерина Алексеевна Абрамушкина, 1928 г.р., д. Шубино (ЦРФ-Р-Э-0003, 2002, лето).
9. Клавдия Михайловна Устинова, 1927 г.р., д. Шубино (ЦРФ-Р-Э-0003, 2002, лето).
10. Антонина Александровна Хлопкина, 1922 г.р., д. Шубино (ЦРФ-Р-Э-0003, 2002, лето).
11. Клавдия Алексеевна Краснова, 1913 г.р., урож. д. Полесково, с 1969 — с. Фоминки (ЦРФ-Р-Э-0003, 2002, лето).
12. Анна Григорьевна Козлова (прозвище Ракета), 1915 г.р., д. Быкасово (ЦРФ-1031, 2002, лето).
13. Ефим Ильич Куликов, 1910 г.р., д. Баландино (ЦРФ-Р-Э-0003, 2002, лето).
14. Прасковья Семеновна Гоголова, 1917 г.р., д. Баландино (ЦРФ-Р-Э-0003, 2002, лето).
15. Антонина Борисовна Волганова, 1919 г.р., урож. д. Новцо, с 1942 — с. Фоминки (ЦРФ-Р-Э-0003, 2002, лето).
16. Светлана Филипповна Соколова, 1964 г.р., с. Фоминки (ЦРФ-1022, 2002, лето).
17. Константин Иванович Забегалов, 1925 г.р., урож. д. Большая Муромка Верхнеландехского р-на, с 1946 г. — д. Чулково (ЦРФ-Р-Э-0003, 2002, весна).

ПОГРЕБЕНИЯ В САДУ У «ГОРЮНОВ» СУМСКОЙ ОБЛАСТИ

В июле 2002 г. группа студентов-филологов Московского университета под руководством С.В. Кодзасова и С.М. Толстой работала в с. Линово Путивльского р-на Сумской обл. — одном из нескольких поселений так называемых *горюнов*. Название это объясняют по-разному, производя его то от *горя* и *горестей*, которых натерпелись горюны за свою долгую историю, то от *гор*, которые их окружают. Интерес к этой этнографической группе русского населения, оказавшейся на Украине (до войны это была Курская область), неслучаен. Горюны во многих отношениях отличаются от своих и украинских, и русских соседей: у них другой язык, другая старинная одежда, другие узоры тканей и вышивки, другие обычаи, другие песни. Причина этих отличий остается до конца не выясненной. О горюнах известно лишь, что были они в прошлом монастырскими крестьянами и принадлежали Софрониеву монастырю близ Путивля, что занимались гончарным промыслом и каждая семья имела свою «яму», где копала глину, что были они знамениты своими песнями. До сих пор серьезно изучали традиционную культуру горюнов только музыковеды: Е.А. Дорохова в 1980-е годы неоднократно приезжала в Линово, записывала песни, привозила линовских исполнительниц в Москву на фольклорные концерты, издавала пластинки с линовскими песнями. Чтобы выяснить, когда и откуда пришли эти загадочные горюны на путивльские просторы, необходимы серьезные комплексные исследования диалектологов, этнографов, фольклористов. Пока же у московской группы задачи были скромными, и экспедиция носила скорее разведывательный характер. Для самого общего знакомства с традицией, обычаями, верованиями, фольклором с. Линово были использованы вопросники Полесской экспедиции Института славяноведения РАН: ведь Сумщина — это восточная окраина Полесья. В собранном материале многое перекликается с полесскими данными, но немало и неожиданного.

Больше всего нас поразил сохранявшийся почти до наших дней обычай погребения умерших в саду. Во многих дворах и садах, иногда даже на огородах, можно увидеть могильные кресты — старые, полусгнившие деревянные или сделанные из металлических труб и выкрашенные синей краской. Из литературы мы знаем об обычае погребений под деревьями, существовавшем на Украине (так же как и у южных славян), но, как правило, речь шла о захоронениях некрещеных детей. В Линове же в садах хоронили не только младенцев, но нередко и взрослых, и стариков, иногда по их завещанию. Старые жители Линова говорят: «Это теперь стали хоронить на кладбищах, а то по садах хоронили, по огородах». Рассказывают, что местные священники не отказывались участвовать в погребениях в саду по просьбе родственников умершего. В Линове, которое раскинулось на нескольких высоких живописных холмах, есть «центральное», самое старое кладбище, но есть почти на каждом холме и новые кладбища, где теперь хоронят людей своего «конца» села. Между прочим на многих могильных крестах этих новых кладбищ

мы видели надписи, сделанные с наружной стороны, т.е. обращенные не в сторону могилы, а вовне. В рассказах о похоронных и поминальных обрядах, записанных в Линове, сообщается немало интересных деталей. Приводим несколько записей на эту тему.

1. Похороны в саду.

Калися [когда-то] ў нас хараніли па садáх. Вот у минé бáтька на тэй старанé, ну мáмка на мóгилках, а тўта мáтирины дéти. На гарóди пахарóниты. Ни насіли на клáдбишше. Тáма чи садóк, чи яблынька стаіт, чи грушка, ўгалóк вó, и ён ни капáицца, ни пáшыцца, тáм то магілкі ужé. Магілка, абнакавэ́нная ж. И хрэ́стики стана-

Фото 1—2. Захоронения в садах в с. Линово Путивльского р-на Сумской обл. (Украина). 2002 г.

ви́ли, ну́ ужé папапрéли и папа́дали, ни́хтó их [новых крестов взамен сгнивших] ни стано́вить ужé. Абнакавэ́нна харóнюць. И мно́га па садáх. Бáтька калися у нас умéр, такáя была́ кури́шша [вьюга], што гóспади, и тый, сугробы у равні с сарáями бы́ли, та при нímе́цкэй влáсти. А в ягó бáтька хрэ́сный тўта захарóнитый, на чужóм гарóди хараніли. Магó бáтьки бáтька хрэ́сный. И сказаў: умру́ я (лижáв бально́й), умру́ я, павза [возле, рядом] Иваных вы минé захарані́те, Ива́н бы́в, Ива́н зва́ць ягó. И штоб минé захарані́ли тўта. И тўт захарані́ли. Двá днá магілку то́ка били́ 'дну́ [одну], такáя мирзлатá была́. На мóгилках тáм ба мóжа на старóую магілку куды́ б жа налятэ́ў, дьк мя́кша было́, а тўт ужé ж целина́, ано́ ж мёрзлае всé. [А у вас тоже в саду кто-то похоронен?] Ё́сть. Ма́мкиных трóе дéтак. Ма́линькие, гадóў па сéм, па шéсть. О такі́и. А мáму ўжé на мóгилкі 'твязлі́ [отвезли]. А ё́та ужé бáтька умéр у нас у sóрак втарóм гадú, а ё́та дéти ужé пóсли вайны́ памéрли. Кóрем [от кори] у нас, ма́мкины дéти сра́з двóя памéрли. Дéвачки сéм гадóў было́, хлопчыку́ трі́. Кóрем забалéли, дéвачку схарані́ли, назáвтре хлопчик умéр.

2. Поминки второго дня («в рай вводить»).

Пахарані́ли. А назáвтрега иду́ть на мóгилкі, у ра́й ё́та завéцца *увади́ть*. Вот ны́нчи схарані́ли, а зáвтри пайдúть *снédать зва́ть*, калися кáк — гурта́ми ни збирáлися, а захарані́ла ны́нчи, назáвтрега, шше тёмна, пабéгла, паскунчíть на мóгилках, мáмку зва́ць, там ци бáтьку пазавéть, ци ся́стру. Ну папла́чить. Ужé снédать [завтракать], ё́та *снédать завúть*, ужé завéцца. У ра́й *увади́ть*. Ўё́та ж у ра́й увóдють. Вóт ны́нчи схарані́ли, назáвтрега у ра́й увóдють. Пайдóм на мóгилкі схóдим, тáм пады́чить [попоет] на мóгилках пéвчыя. Калися ни было́, ни хадíла пéвчыя. Сáми, тáма свая́ симья́, ё́сли я́ схарані́ла мáмку.

минé итíть нé сь ким, я самá паднилáсь, пашлá, усé, *пабудíла*, паплáкала. Ну прика́зывала я, прика́зывала. Как пёсьни спивáють: «На штó ты менé, мая мáцька, брóсила, кáк жы ты минé адный аста́вила, я ж адна́, как у пóлю палы́нина». Ё́та ж... штó у минé на ўм найдéть, то́ же и кажú. Ё́та ж пла́чиш и прика́зыва́иш: «Типéрь ты ужé ка мнé ня прíдеш, и ты́ минé ни абíдиш, а я тибé ни абíжу». И всé. И дварú [домой] прихадíли, пришлá я дварú, и всé. Прихóдють, со́дюдца абéдаты. Пабéдали, и 'п'я́ть памяну́ли. Ё́та завéцца у *ра́й увя́ли*. И всé.

3. Поминки девятого дня («погребение»). Дéвять днёй — абéт справля́ють у ха́ти. На кла́дбишша ня йду́ть. А ў ха́ти паспивáить, пэ́вчэя прíйде́ть, паспивáить, и панахв́иду в це́ркви но́сють на дэ́вять днёй, паслúжуть, а тада́ прика́зують, пайдóмте, ны́нчи ж дэ́вять днёй, абéд буди́ть. Пэ́вчэя прихóдить, и ба́бкам прика́зують, исхóдэтысь та́м, скóка сыду́цца, и па два́ццатэ чилавэ́к хадíли, и па питна́ццатэ, и па дэ́сцэ. У кагó скóка сыду́цца. Пабéдали, паспивáли, пады́чили и разышл́ись. И памалíлися ж, аны́ чита́ють, спивáють, пэ́вчэя. Дэ́вять днёй, ё́та ж палóжена ж. *Пагрибéние* такóе завéцца. Завéцца *пагрибéние*, дэ́вять днёй.

4. Поминки сорокового дня («шесть недель»). Ну, шéсть нядéль прайдéть, как ё́н умéр, сабира́ють *пóминки*. Ё́та устраива́ють абéд, ё́сли со́рак днёй. *Пóминки*. Со́рак днёй в це́ркви атслúжыцца. Панахв́ида, но́сиш панахв́иду. Иду́ и нясу́ я ляпéшки, у це́ркви. Та́м чи п'яку́, чи пакупáю. П'я́ть ляпéшчэк, бяру́, нясу́. Плачу́ дэ́ньги, п'я́ть рублéй — ё́та палóжена, п'я́ть рублéй плати́ть у це́ркву ж на́да, ё́н жа ж [священник] д'я́чить [поминает, служит панихиду]. Ё́н ягó разбу́ п'я́ть памянэ́т, тагó новоприста́влинага. Паслужы́ли... На кла́дбишша абязáтільна пайдóм. Да́, я 'тслужу́ пайдú, а назáвтрега идóм усé на кла́дбишша. Д'я́чуть пэ́вчэя. На магíлку рушник распастира́ють, станóвють тарéлачку, а на тарéлках ты́и ляпéшки лижа́ть, у касíначки. А тада́ всé св'языва́ють, и бяру́ть жа то́й рушничóк... И свéчку сабира́ють ту́ю дварú, усé сабира́ють, и йкóнку. Прихóдють дварú, станóвють панахв́иду, со́димся за сто́л абéдаты. Дэ́вки папаспивáли, пабéдали, ужé дварú ж итíть. Начина́ють раздава́ть

им ты́и ляпéшки, пэ́вчэи, пэ́вчэи раздаду́ть. Разда́ли, паблагадари́ли и пашл́и.

Пабéдали. Кладу́ть лэ́сницу [испеченную накануне]. Распастира́ють рушник. Злэ́зь бяру́цца свай́и [за края рушника], ну бяро́м, ты́ на тэ́й старанé, я на ё́тыи, за канцы́, за рушник, и спивáють. Малíтвы чита́ють, спивáить пэ́вчэя. И пла́каты на́да, папла́каты на́да. Ужé ягó [умершего], знáчить, ужé ў ра́й ягó, пашбу́ ё́н ужé ў ра́й. Да́, падыма́ють и апуска́ють [рушник], разá два́, пака́ малíтву ё́ту праспивáють. Прачитáли, малíтву праспивáли, ягó пади́ржали нат сталóм, ўéтый рушник ис тэ́ю ж ис лэ́сницею. Ту́ю лэ́сницу шшы́пють и разда́ють за сталáми. Ё́та ё́н ужé пашóв у ра́й, па ё́тэй лэ́снице. Ужé всé, пашóв у ра́й. А кáк забудíш испéчь [лэ́сницу], дак пирóг патю́риш [покрошишь]. [А из чего она, как она печется?] Ну вóт, ўё́та вó двэ́ пáлачки, вóт аны́ вó, а тагда́ втáк вó тэ́ста раската́иш, вóт кладéш. [Сколько таких перекладин на лестнице?] Да́ скóка сп'якэ́ш — и трí, двэ́. А́ как ё́сли ё́сь каму́ ляпи́ть, д'я́к вó, налэ́пють чáста, штóб ужé ни шага́ў здóрва [т.е. чтобы умершему не пришлось делать слишком больших шагов]. Ужé лэ́сница, да́. И ё́н жа пайдéть ужé ў ра́й, па лэ́сницы ужé пачу́ккають [чу́ккать 'поднимать, подбрасывать'], на рушник, ужé пашбу́ ў ра́й. Всé, ка́уть [говорят], ужé пашбу́ дварú. Всé, у раю́ вжé ё́н. Назáвтрега ужé ж ўсé, нимá ничóга, ни ра́ю, ни кра́ю. Да́, ё́та вжé на пóминках, лэ́сницу испя́кли, ягó па лэ́сницы справа́дили, ужé ўсé. И ё́н пашбу́. Пашбу́, ужé бóльш ягó ня буди́ть ис на́ми.

Участницы экспедиции в традиционном костюме «горюнов» (с. Линово). 2002 г.

5. Поминки на Пасху («яйцо катать»). [Бывает, что] ат Пáски да Пáски ня йдéш [на кладбище]. На Пáску абязáтільна, *яйцó катáть*. На Пáску хóдють. Кадáся хадíли — Пáска у васкрэ́сэне, а ў панадэ́лак мы́ идóм яйцы катáть. На магíлы идóм. А типéрича паразыйжáлися ж дéти, приижáють на выхаднэ́е днi, на Пáску, и ужé на Пáску нача́ли яйцы катáть. Та́м мiру на Пáску — гóспадí! Ну, яéчка вó па магíлке пакатáю, пакатáю. То́га штó пакатáла, я шé ж пайдú па кóмсь пакатáю, а другóе бяру́ кладú. [Одним яйцом «катают» по всем могилам своих родных; оставляют на могиле другое яйцо, не то, которым «катают»]. Яйцó та́ма, чi и бу́лачки патю́рю шшé. А яйцó абязáтільна палóжыш ужé. Вот пакатáла па ма́мки, та́м тэ́тка у минé шше, па тэ́тки пакатáю. Адным яйцóм. А тэ́и ж... а яйцы бяру́ на то́й, сабé ж кла́сть на магíлку, вот па ма́мки палажы́ла, па тэ́тки палажы́ла, па хазя́ину палажы́ла, па бра́ту палажы́ла. Па яйцу́. У мянэ́ плямэ́нник та́ма умéр, дак кладú яйцó. Кадá е́сли нимá яéц, д'я́к ужé то́ка па рóдных радíтилях палóжыш. А как мнóго яéц, д'я́к дис'ятка два́ и растарха́иш. А ты́м, шо катáю, у минé ше ж до́ма ё́сть, пакатáю, приду́, яйцó. Ну до́ма радíтили, ў саду́ пахарóнитые. [А дальше что с этим яйцом?] А да́льша ху́ть и самá ссяси́ [съешь], ху́ть пакатáла па паслэ́дний магíлки и разбiла, патю́рила, хáй кúры пазбира́ють. Ката́иш и ка́жыш: «Христóс васкрэ́с, Христóс васкрэ́с».

Падыдеш, скажыш, пиряхрестисся — «Христос васкрес». Пакатала и атправилаь.

6. «Загробные столы». Мбй атец бальной лижау сильна. Ну и мамка ж даглидала яго. И вот он заснуу и присниуся [ему сон]. И кажеть: «Ух, какой мине сон присниуся». Ана и кажеть: «Какой табе сон присниуся?» А два сына абей в армийи служыли. Адйн и другой. Ана каеть [говорит]: «Мбже ты Колью [или] Леню видив?» — «Не, я живых никога ни видау, я мёртвых видиу. Как быу тама, дак скока их тама лижать, хто пблло накрыты морда, хто газетау, хто марляю, марля, хто чем». А... тая шше женшына была живая. А кажеть: «Как зашоу я у той кабинёт, там сядить Наталля. И сидять старухи, у их на сталё всё стайть, а у тзи голый стол. А я, кажеть, кажу — Наталля, а чаго у тибё голый стол? Ана кажеть — таго, што я завик ни дала яблака никаму, ни дятенку, ни стараму, ни маламу. Луччи выкину, хай згниеть, но никаму ни дала. Такая я, каеть, скупая была, вот у мине голый стол. Ага. Уета, кажеть, голый стол такой». Ну, мамка ж эта давай тзи казать тетке, ана каеть: «Анютачка, правда, я, каеть, никаму завик ничога ни дала». Гляджю, назавтра, каеть, как нясеть яблак дитям, нятя, кажеть, ежтя [ешьте], дети, яблаки. Ше 'на [она] живая, та была батке так приснилася. [А у других, значит, на столе все стояло?] Усе на сталё, аны ж давали людям, дитям. И всё, на сталё всё стайть, а у йей — сядит за голым сталом. Ён каеть: «Наталля, чаб ты за голым сталом?» — «Ох, я ж, кажеть, никаму ничога ни давала». Тада садбу мала было, а у их сад быу. «Я, гыт, луччи хай пагниоть, но никаму ни дам». Ну мамка эта ж расказала, и 'на на завтра два видра как преть яблак, каеть: «На, дети хай йидять». Вот эта шше так бываить.

Тексты 1—5. Зап. авторов от Дзекуновой Веры Прокофьевны, 1924 г.р.

Текст 6. Зап. авторов от Исаевой Веры Матвеевны, 1926 г.р.

Публикация
С.М. и М.Н.ТОЛСТЫХ
(Москва)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты 02-04-18030е, 02-04-00067а)

ВЫЗЫВАНИЕ ДОЖДЯ НА ТАМБОВЩИНЕ

Сбор материалов по народной метеорологии на территории Тамбовской области проводился в 1999—2000 гг. Экспедиции выявили большое разнообразие приемов, применяемых для вызывания дождя и его прекращения, для остановки града, а также действий, связанных с первым громом и т.п. Собранный материал отчасти совпадает с фактами, уже описанными в статье Н.И. и С.М. Толстых¹.

Засушливая погода, стоявшая летом в 1999—2000 гг., актуализировала в народной среде воспоминания о некогда бытовавших способах вызывания дождя и способствовала их воспроизведению².

Самым распространенным способом вызывания дождя на территории области является **совершенно молебна** (обряд называется: *молебствовать, молить о дожде, попрашивать, вызывать дождь, дождя просить*) и обход с иконами полей, лесов, кладбищ, болот, рек, святых источников, дорог:

«Ну как. Собираемс все, все. В церкву не ходили, прям собираимс туту, ага, кто идеть, кто там откажетс, говорит, заболела. Ну, собрались молебствовать. Пошли прямо сразу в это, где церква, там служба идеть. Все, все, все служат и маленькия, все служат, ага. Вот там отчитают, после этого на кладбищу, там читают, читали и потом на какую-то на прямую лошину что ли, туда. На большую дорогу, где как шас на Уварово [центр

Уваровского района Тамбовской области, смежного с Инжавинским] ехать, потом на большую дорогу выходили и там какой-то человека убили, вот на нём там читали... Но мне моя мать рассказала, я сама не знаю, я помоложе... Вот там молятся, ну с этого не с этого, говорит, дождик пошёл. Домой идём, тучка заходит, ой, слава тебе, Господи, тучка пошла, обрадовались, враз к утру дождик пошёл, и пошёл, и пошёл...» (с. Красивка, Инжавинский р-н).

«Молепствовать ходили, када суш. Монашки читают, а мы Богу молимс. К рыдняку ходили, у нас тут речка, неподалёку. Идутъ фсе и иконки нясутъ» (с. Кутли, Пичаевский р-н).

«В этом году тоже не было дождя, очень долгое время, и мы с женщинами, значит, у меня есть икона Скорбит... Матерь Божья... потом эту икону, икону Спасителя... и икону Илья Пророка, Илья Пророка вот. Всё мы все женщины вот здесь собирались и стали, и начинали молиться... Просили Господа Бога, чтобы послал дождя нам и... и Ильё Пророку... И вот мы также читали акафист, есть акафист такой Илья Пророк, затем просили Господа Бога: "Господи, дажд дождь земле жаждущей, спаси". Вот так вот просили, после каждого акафиста просили Господа Бога и говорили: "Гос-

Источник в р.п. Никифоровка Никифоровского р-на Тамбовской обл.

